

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯВЛЕНИЯ ОМОГРАФИИ

В современном языкознании преобладающим является понимание сущности языка как системы знаков, а слов — как знаковых единиц языка. По утверждению Ч. Морриса, одного из основоположников семиотики, “человеческая цивилизация невозможна без знаков и знаковых систем, человеческий разум неотделим от функционирования знаков” [1:87-88]. Являясь инструментом, “органом” всех наук, семиотика в лингвистических исследованиях играет первостепенную роль, поскольку она дает возможность подвергнуть анализу языковую знаковую структуру по трём измерениям. Согласно дихотомии языка и речи, язык обладает лишь двумя координатами; синтактикой и семантикой, а речь к указанным двум координатам присоединяет прагматику. При изучении любого знака может быть использован какой-либо из этих трех подходов, которые взаимно не сводимы друг к другу. Минимальный знак, т. е. “слово”, используется в определении языка как системы знаков.

Омография, составляя соответствующую макроструктуру в общей лексической системе, может быть рассмотрена с точки зрения теории знака, “закона знака”, поскольку её единицы (компоненты омопары т. н. омографемы) представлены словами или словоформами, т. е. соответственно знаками различных типов. При этом ставится задача выявить соотношение знаков различных типов в компонентах омографической пары, определить причины нарушения “закона знака”, а также статус омографии в семиотическом аспекте.

Опираясь на трактовку К. Льюисом языкового знака как словесного символа, где “словесный символ — познаваемый образец звуков, начертаний, помет, используемый с целью выразить нечто” [2:211], придерживаемся условия, что каждое начертание (оптический знак, буква) и каждый звук являются не различными символами, а различными “экземплярами” символов. В омографической паре наблюдается два словесных символа, однако начертание, т. е. графические знаки, являются абсолютно тождественными экземплярами словесных символов, а звуковые экземпляры различаются в силу акцентологической дифференциации омографов. Например, [бтльс] — [атлбс] из 5-ти звуковых экземпляров различаются два (1-й и 4-й); в омопаре [гвуз’д’икъ] — [гваз’д’ижкъ]: из восьми различается один (3-й); [праб’ѳгу] — [пръб’и’гу] из семи различаются два (3-й и 5-й). Степень звукового различия определяется несколькими факторами: количеством слогов в компонентах омопар, местом словесной акцентуации, артикуляционной характеристикой гласных звуков. Ко-

личество дифференцированных звуковых экземпляров колеблется в диапазоне от одного до четырёх.

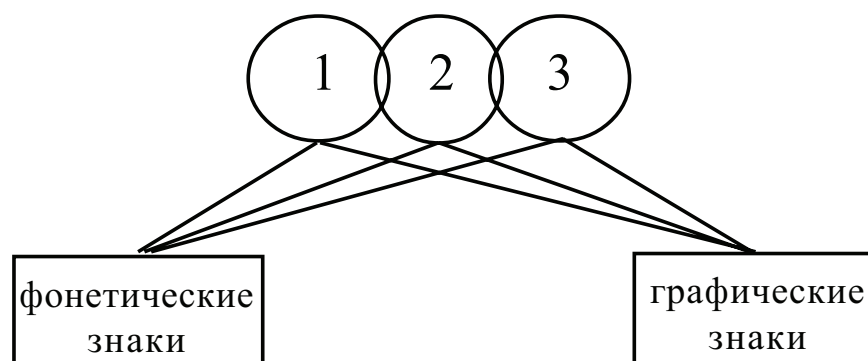
Итак, омографы состоят из двух словесных символов, выражающих “нечто различное”. Признавая словесный символ билатеральным (относительно формальной стороны символа), и разграничивая в нем две стороны: графическую и звуковую, отметим, что омографы не увеличивают численности графических знаков (без постановки диакритического знака). Доказательством единого графического облика двух словесных символов-омографов может служить линейное расположение абсолютно тождественных оптических экземпляров. Отдельные же звуковые экземпляры различаются своими артикуляционными характеристиками. Следовательно, в двух словесных символах омографы имеется один графически опознаваемый образец и два звуковых, которые соответствуют двум различным виртуальным знакам.

Опираясь на постулат тождества и различия языкового знака, сформулированный Ф. де Соссюром и лежащий в основе ряда важнейших методов языкового анализа, целесообразно сопоставить явления полисемии, омонимии и омографии в плане возможности увеличения информационной ёмкости языкового знака. Важнейшей особенностью языкового знака вполне обоснованно считается увеличение его содержания, что ярко иллюстрируется полисемией. К обогащению начальной информации знака приводит накопление знаний, индивидуального и социального опыта человека. Все это в подавляющем большинстве протекает без увеличения численности словесных знаков. Традиционной является точка зрения на полисемию слов как один из законов, по которым развиваются естественные языки. Полисемия служит великолепным средством передачи бесконечно разнообразных мыслей и чувств носителей языка. Этот тезис развивался выдающимися отечественными лингвистами А. А. Потебнёй, Л. В. Щербой и др. “Признаком приобретённой цивилизации” назвал полисемию французский филолог М. Бреаль, а датский лингвист О. Есперсен отождествлял воображаемый: искусственный язык с адом, в котором люди изъяснялись бы с помощью “плоского и беспомощного” средства коммуникации.

Предположение многих лингвистов о том, что каждое слово должно иметь только одно значение, отдельный языковой знак, не оправдало себя. “Принцип равенства слов и значений превратил бы язык в неподвижное устройство, лишённое “способности” передавать движение от конкретного к абстрактному, от буквального к фигуральному, от частного к общему” [3:118]. Следует отметить, что в словесном символе многозначного слова равны как его графические, так и звуковые экземпляры, в силу чего численность словесных знаков не увеличивается, а вир-

туальные знаки, соответствующие лексико-семантическим вариантам слова, не утрачивают своей внутренней связи. Графически это можно изобразить следующим образом:

Взаимодействие языковых знаков в полисемии

Для слова с 3 лексико-семантическими вариантами

Многозначность слов принимается как результат “асимметричного дуализма языкового знака” между обозначающим и обозначаемым и на основании многих причин считается языковой универсалией.

Что касается омонимии, то она также является нарушением “закона знака”. “Распространенность омонимии свидетельствует о том, что язык представляет собой особую специфическую систему со своими собственными закономерностями, не подводимыми под общие закономерности других семиотических систем” [4:109]. Виртуальные знаки отличны от знаков полисемантического слова, в них нет единых структурных признаков названия предмета, как отмечал В. В. Виноградов. Этим омонимия качественно отличается от полисемии. В то же время, с точки зрения знака, у омонимии также наблюдается асимметрия звуковых, графических знаков с одной стороны и виртуальных знаков — с другой. Этим постулируется положение об отсутствии в языке абсолютно тождественных знаков. Характерно, что тождество их является не абстрактным, а конкретным, содержит внутренние различия и противоречия, которые снимаются в процессе их развития. Омонимия лингвистических знаков, т. е. потеря тождества, возникает в случае “транспозиции семантической стороны знака”. При этом расширение совокупности обозначаемых предметов мысли переходит границу, допускаемую адекватным содержанием языка. Как отмечает О. С. Ахманова, “за каждым лингвистическим знаком закреплены определенные функции, непосредственно ему принадлежащие, при нарушении которых он становится членом омонимического ряда” [5:84]. Несмотря на очевидность этих суждений, в истории лингвистических учений засвидетельствованы неверные определения омонимов с точки зрения знаков. Некоторые западные лингвисты дают определение омонимам, не упот-

ребляя термина “слово”. Подобная тенденция замены старых терминов новыми особенно характерна для структуралистов. Так, в частности, Ш. Балли в работе “Общая лингвистика и вопросы французского языка” дает следующее определение: “Омонимами называются два знака, имеющее тождественное означающие и различные означаемые” [6:139]. Мы поддерживаем в данном случае справедливую критику этого тезиса А. С. Шайкевичем, который утверждает, что здесь граница между омонимией и полисемией устраняется и подлинную трактовку омонимии можно представить случаями употребления слова, различающегося лишь в контекстуальном значении.

Таким образом, явление омонимии оказывается связанным с более широкой проблемой — проблемой понимания информации и роли языковых знаков в процессе общения. Согласно дихотомии языка и речи знакам как выразителям языкового значения соответствует оппозиция: виртуальный знак (как часть системы языка в отвлечении от её реализации в речи) — актуализированный знак (т. е. коммуникативная единица языка в ее конкретном применении в речи).

Существует еще и актуальный знак как элемент речи, противопоставляемый виртуальному знаку как элементу языка.

В процессе коммуникации при функционировании языковой системы омонимия графических и фонетических знаков (как и при полисемии) потенциально создаёт определенные затруднения.

Они выражаются в том, что адресат высказывания, т. е. слушающий, читающий, при восприятии омонимических слов всегда имеет дело с выбором, поскольку адресатом закодирован не однозначный сегмент смыслового высказывания, а их набор. Однако в силу различия виртуальных знаков адресат довольно легко делает необходимый выбор и декодирует текст, речевое высказывание и акцентирует внимание лишь на определенном актуализированном знаке. Виртуальные знаки характеризуют омографы как изолированные словарные противопоставления, свойственные отдельным словам. Например, виртуальные знаки душб — душа противопоставляются так же, как любые две словарные единицы: снег — ручка, т. е. находятся в отношении дизъюнкции. Графическим знакам свойственна нулевая оппозиция, поскольку они идентичны. В актуальных знаках противопоставляются различные варианты одной и той же фонемы, а фонемный состав компонентов омопар одинаков и аналогично графическим знакам находится в нулевой оппозиции. Морфологический признак, условно принимаемый как знак, имеет самую широкую зону проявления в самых различных группах омографов соответственно морфологической классификации.

Рассмотрим структуру омографической пары с точки зрения систе-

мы знаков и определим, в какие отношения вступают однотипные знаки членов любой омопары.

I. Виртуальные знаки асимметричны. II. Графические знаки симметричны (для полноты описания и сопоставления примем как знак диакритический, морфологический и фонематический знаки). III. Фонематические знаки симметричны. IV. Морфологические знаки могут быть симметричны и асимметричны в зависимости от морфологической классификации омографов. К примеру, у лексических омографов морфологические знаки симметричны, а в остальных типах — асимметричны, им присущи коррелятивные отношения. V. Диакритические знаки асимметричны, противопоставляются относительно места их постановки в словоформах. VI. Фонетические знаки противопоставлены лишь частично.

Таким образом, в омографической системе знаки вступают как в симметричные ряды, так и в пропорциональные противопоставления. Важно отметить также, что актуальные знаки омографов как элементы речи не репрезентируют омографов, а представляют только их речевое соответствие — параомофоны. Именно в актуальных и актуализованных знаках явление омографии исчезает как таковое. Исходя из концептуальной теории омографии, можно объяснить отсутствие омографов в устной речи. Количество виртуальных знаков значительно преобладает над ограниченным арсеналом графических и фонетических средств.

Первоначально в качестве единственной функции письма выдвигалась задача служить изображением устного знака. Это означало, что с точки зрения знака оптические экземпляры (буквы) отражали фонетические (звуки). Далее было установлено, что письмо каждого литературного языка представляет собой особую систему знаков, частично независимую от знаков устного языка. Письменный и устный язык представляются лингвистическими феноменами, обладают специфическими функциями, способны дополнять друг друга и транспонироваться. Являясь “рядоположенными” величинами, письменный и устный язык не имеют аналогичных структур. Не существует языков, в которых каждому звуковому знаку соответствовал бы последовательно графический эквивалент, фактически в каждом из языков огромному богатству акустических средств противостоит ограниченное количество оптических средств, которыми обладает письменная форма. Отсюда следует вывод, что существование омографов в языках разных типов объясняется не только какими-либо конкретными причинами, но и тем, что существенным оказывается наличие противопоставления письменных и устных знаков. До появления письменности, пока язык реализовывался лишь в устных высказываниях, существовало только противопоставление вещи и знака, и акустическая субстанция рассматривалась как нечто несущее-

ственное, С появлением письменных высказываний противопоставление устного и письменного знака, “воспринимаемое как новое, выдвигает обе субстанции — звуковую и письменную — на передний план”. Таким образом, скудный арсенал графических средств, отражающих многообразную палитру звуковых сигналов, можно определить как одну из причин (в ряду других) наличия омографов в языке, т. е. двух виртуальных знаков, одного графического и близких звуковых (устно-речевых соответствий).

Итак, с точки зрения теории знака можно разрешить достаточно большое количество проблемных вопросов омографии. Это касается, в частности, возможности дать универсальное определение омографии, существующей в различных языках.

Учитывая то, что языкам присущи особые признаки омографии, разнообразный арсенал графических средств (буквы и иероглифы) и сам характер письма (фонологический, слоговой, идеографический), а также особые свойства системы вокализма и т. п., целесообразно дать определение именно с точки зрения знаковой системы, так как в таком случае нет необходимости указывать на конкретные субстанции, признаки, формы проявления и т. д.

Итак, омография — языковое явление, носящее характер соотношения различных оппозитивных виртуальных знаков, соотнесенных с различными актуальными, вступающими в парадигматические отношения при каком-либо фонетическом изменении.

1. **Моррис Ч.** Основная теория знаков // Семиотика. — М., 1983
2. **Льюис К.** Виды значения // Семиотика. — М., 1983 .
3. **Будагов Р. А.** Человек и его язык. — М., 1976.
4. **Ахманова О. С.** Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957.
5. **Ахманова О. С.** О понятии изоморфизма лингвистических категорий // Вопросы языкознания. — 1955. — № 3.

С. В. Плотницкая

ЛИНГВОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Современная наука накопила факты, в свете которых становится очевидным, что язык принадлежит к классу кодов. Изучая функционирование кибернетических устройств, ученые приходят к выводу, что речевое общение является одним из типичных кибернетических процессов, а язык с точки зрения теории информации можно рассматривать как одну из кодовых систем, служащих для передачи и хранения информации. Под